

Кулиши Савва

23.2.95

Известие - 1995 - 23 февр - 97

Его фильмы всегда становились заметными событиями в кинематографической жизни. Исключением не стала и последняя по времени картина Саввы Кулиша «Железный занавес». Возможно, кому-то новая эта работа режиссера и не понравится. Но невозможно, чтобы хоть кого-то она оставила равнодушным.

— У вас прошло уже несколько премьер в Москве и Петербурге, в Выборге. Залы были полны, люди долго аплодировали, вас поздравляли, дарили цветы, просили автографы, в Доме художника стоя скандировали, пятнадцать минут кричали «Браво!» Сегодя этого почти не бывает. Вы удовлетворены?

— Знаете, это какая-то странная картина. Ну хотя бы потому, что идет она четыре часа, а люди, отыкши от кинозрелища, не уходят из зала. Может быть, потому, что они сопротивляются героям картины?

Это два фильма, но показывать их надо вместе, с небольшим перерывом. Это фильмы, которые рассказывают об огромной эпохе, об одном из самых уникальных десятилетий с 1947 по 1957 год — в истории нашей страны. Картина о том, как мы жили за «железным занавесом».

Молодое поколение уже не очень понимает, что называется «железный занавес».

— Железный занавес обычно отделяет горящее помещение от негорящего. Название стало нарицательным после речи Черчилля в Фултоне в 1946 году. «От Балтики до Адриатики над империей Иосифа Сталина опустилась железная завеса!» — сказал он. Так «железный занавес» разделил мир. Это время — детство и юность поколения 60-х, к которому я имею честь принадлежать.

Что бы сегодня ни говорилось о том времени, но мы — по-своему счастливое поколение, мы — дети Победы, мы испытывали это необыкновенное счастье тогда, 9 мая 45 года. И с этим невероятным ощущением причастности к общему счастью мы и живем всю свою жизнь.

— Вы так благостно вспоминаете свое прошлое!

— Нет, конечно! У нас были мрачные времена, тяжелые, страшные, но для того, чтобы понять почему, почему именно наше поколение совершило перестройку, необходимо одним вспомнить, а другим узнать о том, как мы жили. Нельзя сегодня не знать о вчерашнем чувстве страха, которое сидело во всех нас и было таким же привычным и знакомым, как зубная боль.

Моя картина о семье, о простой семье, которая борется с государством за душу ребенка. Иногда побеждает государство, иногда побеждает семья. И еще это история мальчика от 10 до 20 лет, его превращение в юношу, его детские увлечения, первая любовь, первая ненависть, соприкосновение со смертью, с любовью. Столкновение с жестокой государственной машиной.

И, конечно же, взаимоотношения с кинематографом тех лет, потому что кино, как никто другой, формировало наше поколение. Если нынешнее поколение сформировано телевидением и видеокассетами, то

ми, с драками и убийствами. Но молодости свойственно радоваться — тому, что она живет, тому, что солнце светит, что человек растет, что он влюбляется, что он узнает мир.

Может быть, самый главный феномен как раз состоит в том, что та странная и вывороченная жизнь казалась нам абсолютно нормальной. Потому что, с одной стороны, мы были детьми Победы, а с другой — детьми Утопии. Мы знали, что

19
рации, сложнейшие комбинированные, подводные и трюковые съемки [атаха немецких самолетов, гибель парохода «Ленин», драки, похороны, убийство Ивана, громадные массовки на улицах Москвы и Одессы, школьные вечера, уникальные кадры первого бала молодежи в Кремле в 1954 году]. Как вы справились с этим огромным механизмом?

— Это действительно был

совестливее — они умеют прощать.

— Я считаю, что у меня в фильме вообще нет ни одного плохого персонажа, они все — жертвы.

— Но ведь были же бандиты, алкоголики, доносчики. Все это есть в вашем фильме.

— Нет черного и белого в жизни. Люди показаны такими, какими они были. И я им сострадаю. А если я им сострадаю, то им сострадает и зритель.

но становится элитарным искусством, и никогда уже не будет такого количества зрителей, как на «Мертвом сезоне». Но кино останется искусством совместного сопротивления. Оно не умрет.

Что будет с этой картиной, я не знаю. Мне, конечно же, очень хочется, чтобы ее посмотрело максимальное количество зрителей. Потому что у меня такое нереалистическое предположение — может быть, хоть чуточку, хоть как-то я могу что-то изменить в этом мире. Хотя и понимаю всю наивность этого предположения.

— Что нужно сделать, чтобы вернуть зрителя в кино?

— Ну как когда-то было — уже не будет, но если мы уйдем от кинотеатров к театрам кино, где можно будет раздеться, сесть в прекрасное удобное кресло, в красивом зале, с прекрасным экраном и звуком и увидеть хороший фильм на замечательной пленке, если здание, в котором мы будем находиться, станет центром городской культуры с библиотекой, выставочным залом и кафе, если государство поддержит нас и ограничит показ по ТВ такого количества новых фильмов, мы получим настоящего зрителя, настоящего кино.

Самое страшное и самое опасное для нашей страны, как мне кажется, это ситуация, при которой может прерваться связь времен. Сегодня необходимо, чтобы лучшие люди отдавали свои знания детям, чтобы не уничтожались детские библиотеки, не исчезали музеи, не исчезали школы, превращаясь в банки, ночные клубы, или в диско, или в казино.

Понимаете, идея, что сначала восстановим экономику, а потом будем заниматься культурой, — не просто порочна, она гибельна. И если сейчас все усилия государства не будут направлены на то, чтобы прежде всего поднять культуру с колен, чтобы прежде всего работать с детьми, потому что в детях будущее, то просто-напросто мы можем потерять страну, в которой живем. У нас будут деньги, мы будем богаты, но мы будем жить в очень страшной стране, когда по улицам ходить вообще будет невозможно, когда будут потеряны значения таких человеческих слов, как сострадание, боль, любовь.

Искусству надо не просто помогать, а надо привить к нему вкус. Люди опять должны получать удовольствие и наслаждение от того, что они могут видеть, слышать, чувствовать и сопротивляться прекрасному. Если все это будет, то мы не просто выживем, а станем теми, кем мы и должны быть — счастливыми гражданами великой страны, с великим будущим.

Алла СМЕХОВА.

Фото Алексея БЕЛЯНЧЕВА.

САВВА КУЛИШ ПО ОБЕ СТОРОНЫ «ЖЕЛЕЗНОГО ЗАНАВЕСА»

мы были детьми кино и радио.
— Почему именно вы взялись за воссоздание того времени?

— Но просто кто-то должен был остановить его, потому что иначе оно безвозвратно уйдет, канет в Лету. А потом будут всякие домыслы, предположения, ничего общего не имеющие с правдой. С правдой искусства. С правдой жизни. Картина отнюдь не автобиографическая. Я попытался сначала, когда писал сценарий, написать себя, каким я был. И понял, что это невозможно. В 1947 году мне было десять лет, а сегодня я совсем другой, и оценивается все совсем по-другому. Но вот люди, вся ситуация, вся история — это абсолютная правда. За каждым из персонажей стоит реальный живой человек, со своей судьбой, со своей биографией. Со своей болью, жизнью, а иногда и со своей смертью. И вот это, может быть, и дало мне право так жестко рассказать о том, что я сам видел. Не кто-то другой, а именно я.

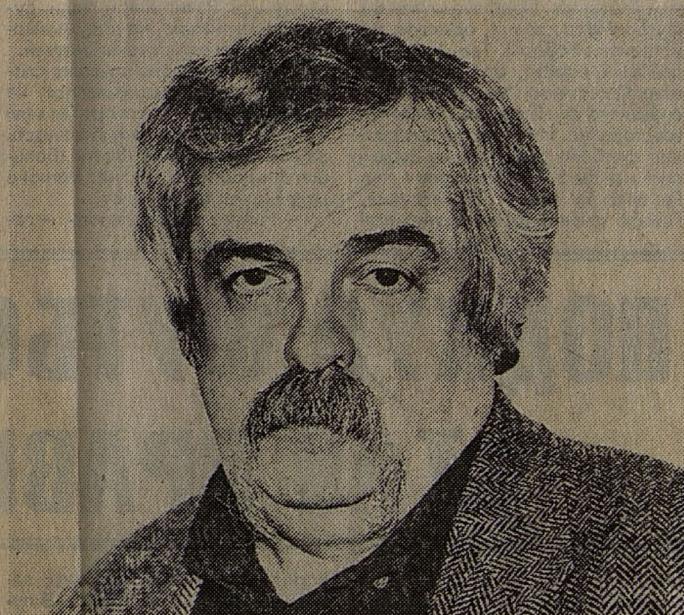
Люди склонны либо идеализировать прошлое, либо чернить его. Одни говорят, что это была замечательная, прекрасная, светлая, необыкновенная жизнь, а другие — что все было чудовищно, страшно, беспространно. А на самом деле было и то, и другое. Была жизнь — очень трудная, послевоенная, голодная, холодная, со страхом

впереди коммунизм, знали, что следующее поколение обязательно будет при нем жить. Так мы были воспитаны.

Но многие родители наверняка думали иначе. Но не могли нам сказать об этом. Это было очень опасно, мы могли бы проговориться, погубить себя, погубить семью.

Мы все время жили двойной жизнью. Мы настолько привыкли к двоемыслию, что оно казалось нам нормой. Взрослые герои фильма все время повторяют фразу: «Не надо говорить это при детях». «Ничего, — отвечает кто-то из взрослых, — это ведь наши дети, и они знают, что и где надо говорить». Это ужасно, но это было каждодневным бытом. Мы сейчас живем совершенно по-другому, забыв, что такое двоемыслие. Молодые не понимают, что оно, двоемыслие, было единственным возможным условием существования. И выживания. Это страшно, когда в доме, в семье — одно, а в школе, в институте — другое. И все-таки семья остается семьей. Когда в сцене масленицы собирается семья из 18 человек и говорят они о самых серьезных и важных проблемах при детях, то это, мне кажется, и есть момент воспитания, момент борьбы за душу ребенка.

— В вашем фильме взаимоотношения людей, несмотря на страшный коммунальный быт со скандалами, пьянками, мордобоями, беспричинной ненавистью, все равно

немалый труд. Я уж не говорю о том, что начали мы снимать в Советском Союзе, а закончили в свободной России, иногда по полгода простоявая из-за отсутствия денег. Я безмерно благодарен моим товарищам, что они не бросили меня и картину во имя выгода. Только преданность идеи фильма каждого актера, каждого члена группы позволила дойти до конца пути.

— У вас играют актеры и непрофессионалы, в фильме снималось много детей. Как вы их «превращали» в людей 40—50-х годов?

— Каждый исполнитель знал биографию своего героя. Он знал, что он играет, и, может быть, именно поэтому свободно ощущал себя в том времени. Не только исторически достоверные прически, костюмы, декорации, машины, пароходы, но и суть. Внутренняя суть человека. Она сегодня зачастую другая. Другие критерии морали, нравственности, дозволенности. Я выбрал на главную роль молодого способного актера, который не разучился стесняться, краснеть. Поверьте, я не ханжа, но люди моего поколения — и по картине, надеюсь, это видно — все-таки были другими.

— В вашем фильме взаимоотношения людей, несмотря на страшный коммунальный быт со скандалами, пьянками, мордобоями, беспричинной ненавистью, все равно

Потому что многие из героев искорежены обстоятельствами: зачастую не сам человек выбирает свой путь, а за него выбирают. А у нас очень часто за человека путь выбирается. Самое главное, как он сопротивляется этой системе. Бесчеловечной, жесткой, ужасной. Василий Сталин, уголовник Иван или американка Нина со своим лагерным мужем — жертвы одной системы.

— Савва Яковлевич, вы сделали картину о прошлом, а она оказалась не только о настоящем, но и о возможном будущем!

— Сегодня многие живут с ощущением, что прошлое все больше становится похожим на будущее. И вот это вызывает у меня неприятные, страшноватые ассоциации. И не дай Бог, если то прошлое, которое можно ностальгически вспоминать, потому что это юность, — не дай Бог, чтобы оно вернулось!

— Я помню, как вы блистательно начинали в кино. Вы были совсем еще молодым человеком, а ваш фильм «Мертвый сезон» оказался просто бестселлером: за девять месяцев проката — сто миллионов зрителей. Сейчас уже ни один режиссер не может похвастаться такими цифрами.

— Сегодня совсем другое время. Кино как самое массовое искусство... очнулось. Кино